А.И.Филюшкин

ЛОГИКА СПОРА ИВАНА ГРОЗНОГО С АНДРЕЕМ КУРБСКИМ

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским оказала большое влияние на представления историков о России середины и второй половины XVI века. Именно на ее основе в историографии сложилась популярная схема «двух Иванов»: «Ивана IV — прогрессивного реформатора», правящего совместно с мудрыми советниками в 1550-е годы, и «Ивана IV — тирана», после 1560 г. репрессировавшего всех политических деятелей, радевших о благе страны, и обрушившего на нее лавину кровавого опричного террора. Произведения Грозного и Курбского являются основным источником о деятельности «Избранной Рады» — «правительства А.Ф.Адашева — Сильвестра», якобы фактически управлявшего страной в 1550-е годы при чисто номинальной власти царя. Таким образом, общая концепция истории царствования Грозного во многом строится на основе взглядов самого Ивана Васильевича и возражений его идеологического оппонента — князя Курбского.

Между тем необходимо учитывать, что переписка содержит в себе документы полемического, памфлетного, дискуссионного характера и слепо доверять заложенной в ней схеме и содержащейся в ней информации было бы неосторожно (что неоднократно отмечалось В.О.Ключевским, С.Б.Веселовским, А.Н.Гробовским, Э.Кинаном и др.). Чтобы отделить конъюнктурную и тенденциозную (а потому малодостоверную) сторону переписки от отражения в ней исторической реальности, необходимо проследить логику спора Грозного с Курбским, динамику ее развития, ее влияние на трактовку той или иной темы.

Только после такого анализа мы можем судить об объективности или субъективности исторических концепций и схем, заложенных в переписке.

В данной статье для удобства мы будем пользоваться следующими сокращениями: ППК — Первое послание Курбского, ППГ — Первое послание Грозного, ВПК — Второе послание Курбского, ВПГ — Второе послание Грозного, ТПК — Третье послание Курбского, ИВКМ — «История о великом князе Московском» Курбского.

Дискуссия между царем и первым русским диссидентом (а так по праву можно назвать Андрея Курбского) тесно связана с их этико-политическими воззрениями. Поэтому, прежде чем приступить к анализу текстов, необходимо сказать о них несколько слов.

У Грозного политическая идея была синкретично связана с религиозной (поучить и обратить к истине)[1]. Для Ивана IV было мало посадить преступника на кол — ему необходимо при этом его исправить и переубедить, доказать справедливость наказания. Это стремление к доказательству правильности, божественной легитимности своей деятельности прослеживается во всех дошедших до нас работах царя.

Основная идея, отстаиваемая Иваном в полемике с Курбским, состоит в том, что наказание государем «изменных подданных» легитимировано Богом, а следовательно, не может не соответствовать нуждам и чаяниям христианского народа. По сути, Иван совмещал понятия «государева воля» и «Божья воля». В его лице мы сталкиваемся с писателем, четко сформулировавшим пронизывающую всю русскую историю концепцию презумпции харизматичности любой высшей власти.

Суть ее вкратце сводится к следующему. Царь есть наместник Бога на Земле[2]. Отсюда любое выступление против власти есть выступление против Бога. Поэтому любой, кто не желает слепо следовать произволу власти,— страшный грешник. В этом, кстати, и кроется причина того, что мотивы отстаивания собственной воли, достоинства перед лицом власти и государя в русском обществе не получили значительного распространения. Они чаще всего были связаны с элементами либо полууголовными (типа «бунташных людишек»), либо морально не очень чистоплотными (Курбский, Котошихин), либо принимали форму религиозной оппозиции власти (патриарх Никон, старообрядцы, легенда о Петре I — антихристе в народном сознании).

Концепция презумпции харизматичности высшей власти у Грозного прослеживается очень четко. «Кто противится власти, Божию велению противится»,— этой цитатой из «Послания к римлянам» апостола Павла[3] Иван показывает, что поступок Курбского — бегство, а не принятие мученической смерти от царя — есть измена государю и преступление перед Богом. Авторитет Иисуса Христа привлекается Грозным и для доказательства естественности, закономерности своих побед в войнах с Казанью, Крымом, Литвой и успехов династии Рюриковичей вообще, как носителей Божьей воли.

В связи с этим у царя, естественно, возникал вопрос: является ли вмешательство советников в дела управления сопротивлением царской воле (а следовательно, и божественной воле)? Надо сказать, что ответ на него он дал ясный и однозначный.

Для Ивана IV четко определено: хороший советник — это послушный советник, доблестный и тщательный исполнитель монаршей воли, рекомендующий только то, что в данный момент хочет государь. Всякое самостоятельное мнение есть сопротивление власти — а дальше рассуждения царя шли по вышеуказанному пути. В письмах Грозного, написанных от имени бояр, его позиция по вопросу, какими бы он хотел видеть своих советников, хорошо показана: «Как государь наш его царское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, так же и наш совет вечному его самодержавству верность и работу крепчайшую держим»,— от имени И.Д.Бельского — Сигизмунду II Августу[4]. «А кроме государской воли над нами никто не властен, а государьской воли подданными взгоже быти, а где государьской воли над собой не имеют, тут яко изумевся ж блага не ведят»,— от имени И.Ф.Мстиславского — Сигизмунду II Августу[5]. Вероятно, именно поэтому Иван IV всегда раздраженно ставил в укор иностранцам наличие в их государствах активно действующих парламентов, сеймов и т.п. Российский самодержец рьяно стыдил тех, кто «неученых собацких людей в раде своей учинил». Наиболее колоритным здесь является его обращение к английской королеве Елизавете, которая не могла поставить под монарший контроль деятельность своих «торговых мужиков»: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь... ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица»[6].

Необходимо подчеркнуть, что под советом Грозный понимал вообще любое мнение по любому вопросу, высказанное в присутствии царя. Для него не существовало иерархии советов по их значимости: совет, в каком платье выйти к столу, и совет, начинать ли войну с соседним государством, расценивался им с позиции вмешательства советника в монаршью волю абсолютно одинаково. При этом царь придерживался довольно удобной логики: раз все его действия легитимированы Богом, ошибаться он не может. А если совершена очевидная ошибка? Так как Бог-Царь их делать не способны, то в ней виновны советники, «злобесным» советом сбившие монарха с истинной стези. Все эти этико-политические установки духовного мира Грозного были им полностью воплощены в переписке с Курбским.

Оппонент царя, князь А.М.Курбский, был, бесспорно, одним из образованнейших и умеющих применять свою образованность в религиозной и политической полемике людей в Восточной Европе второй половины XVI века. Он был знаком с тремя науками trivium — грамматикой, риторикой, диалектикой, и наукой quadrivium — астрономией, знал философские системы Цицерона,

Парменида и Платона, логику Диалектики Дамаскина[7]. Один список приписываемых ему переводов впечатляет: два отрывка из Цицероновых парадоксов, «Источник знания» Иоанна Дамаскина, «Слово Иоанна Златоустого на пентикостие о Святом Дусе», 44—47 беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, «От другие диалектики Иона Спакинбергера о силлогизме вытолковано», «Диалог» патриарха Геннадия Схолария, творения Симеона Метафраста, отрывки из хроники Никифора Каллиста Ксанфопула, отрывки из хроники Евсевия Кесарийского, Повесть о Варлааме и Иоасафе, «Епифания, епископа Кипрского, о восстании из мертвых свидетельство», послание Игнатия Богородице и ответ ему Богородицы, произведения Василия Великого, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита[8].

На основании полученных знаний Курбский выстроил свою систему взглядов на общество, государство, роль в нем человека, отношения «подданные-власть-высшая власть (Бог)». Все события из русской истории, о которых он пишет, рассматриваются им с точки зрения этой системы. Она является методом интерпретации Курбским исторического материала.

Сердцевиной философско-политических взглядов Курбского было его этическое учение. В его основе лежало учение Аристотеля о трихотомическом строении души, идея, что человеческий разум и Бог подобны друг другу. Поэтому князь исповедовал идеалы индивидуализма и рационализма (мыслим ли был для русского провиденциализма рассказ Курбского о совете Максима Грека Ивану IV: не выполняй богомольный обет (sic!), если он неразумен?). Отсюда, по Курбскому, совет — это форма проявления разума (а, стало быть, и Божества) в общественной жизни. Вряд ли такую позицию можно свести только к защите права боярства вмешиваться в дела царя, как это иной раз делается в исторической литературе.

Соотношение «советники-царь-Бог» у Курбского тоньше. У него есть советники святые, приводящие жизнь царя в соответствие с божьими заповедями. Антиподом их выступают «злые ласкатели», сбивающие государя с пути истинного: «...бесосогласным твоим бояром, губителем души твоей и телу, иже тя подвижут на Афродитския дела и детми своими паче Кроновых жерцов действуют» (ППК)[9]. Советник — это не обязательно хорошо, ведь Вассиан Топорков выступил тоже советником! Концепция совета изложена Курбским в ИВКМ: «Царь же аще и почтен царством, а дарований которых от бога не получил, должен искати доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек: понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной»[10].

Из этого отрывка видна принципиальная разница взглядов Грозного и Курбского. Для князя обладатель монаршьей власти не

является автоматически носителем божьей воли, как для Ивана IV. Чтобы освятить свое правление божественной легитимностью, надо быть праведником, или, по крайней мере, окружить себя советниками-праведниками.

Отсюда понятно стремление Курбского окрасить «избранных во Израили», репрессированных Грозным, в панегирико-агиографические тона, а царя, наоборот, изобразить падшим грешником. Жизнь Ивана в глазах Курбского никак не соответствовала жизни праведника, отсюда, по мнению князя, Грозный просто не имел права на самостоятельное, бесконтрольное правление. Отсюда и претензия диссидента царю: «Аще бессмертным (т.е. равным Богу.— А.Ф.) мнишь себе?». Отсюда и обвинение: вознесшегося самовластьем царя князь считает стремящимся встать вровень с Богом, за что неизбежно последует возмездие, падение и превращение в Сатану (Курбский иллюстрирует это легендой о царе Фосфоре).

Таким образом, письма Курбского написаны в своеобразном жанре антижития. Это история одного человека, одного царствования, написанная по всем законам житийной литературы, но с совершенно противоположной расстановкой акцентов. Цель Курбского — «показать грехопадение некогда праведного царя»[11], выявить его причины и показать ужасные последствия. Эти задачи и определили специфику освещения князем исторических событий.

Началом дискуссии послужило ППК. Его семантическая структура лучше всего проанализирована В.М.Сергеевым[12]. Им произведено следующее смысловое членение текста:

I. Обращение — царь именуется «супротивным», отошедшим от православия.

II. 1) Общая картина царствования Грозного: царь организует гонения на наиболее достойных, истинно верующих, проливает святую кровь на церковных порогах.
   2) Это объясняется тем, что царь стал еретиком.
   3) Угроза божьим судом.

III. 1) Обвинение царя в несправедливых гонениях на Курбского, перечисление заслуг последнего.
   2) Угроза божьим судом.

IV. Завершающее утверждение, что в окружении царя присутствует антихрист, и намек, что и сам Иван Васильевич от него недалек.

Таким образом, ППК содержит в себе две основные идеи: личную обиду Курбского и неправедное поведение государя (не соответствующее этико-политическим взглядам Курбского). И за то, и за другое полагается Божий Суд и наказание.

Ни об Адашеве, ни о Сильвестре, ни об «Избранной Раде» ППК не упоминает. Князь-диссидент начал прежде всего дискуссию по этико-богословским вопросам, приобретшую в историческом

контексте (бегство — «измена» Курбского, репрессии в России, стоявшей на пороге опричнины) политическую окраску.

Ответ Ивана IV последовал незамедлительно. Правда, его содержание оказалось для Курбского полнейшей неожиданностью. Курбский и другие «изменные бояре» оказались под пером Грозного объединены в правительственную группировку под началом А.Ф.Адашева и попа Сильвестра, которая и совершила все те богонеугодные деяния, которые в ППК приписываются Ивану Васильевичу. Поэтому он в них не виноват, так как был дьявольским обманом отстранен от власти, которая, между прочим, дана ему от Бога. Для подтверждения правильности такой трактовки ППГ проведем его структурно-семантический анализ, аналогичный анализу ППК В.М.Сергеева:

ППГ (Пространная редакция).

I. Обращение — обозначение позиций сторон:

1) Иван IV, царь всероссийский, находится, как и все Рюриковичи, под особым покровительством Бога. Рюриковичи — слуги божьи.

2) Курбский — изменник, изменив государю — изменил Богу, воевал христианскую землю, попирал церкви и этим погубил свою бессмертную душу. Сделал он это по дьявольскому наущению, от «корыстолюбия».

Резюме: Воля господня — «еже, благое творяще», пострадать от государя. Не пожелав такой участи, Курбский отвергнут и государем, и Богом. Угроза божьим судом.

II. Ответ на обвинения Курбского:

1) Контробвинение в том, что Курбский и его сторонники (во главе с Адашевым и Сильвестром) — Грозный обозначает всех своих врагов местоимением «Вы» — захватили власть в государстве. Это ли не нечестие, не несправедливость, не нарушение божьих заповедей?

2) Благочестие Курбского — притворное, фарисейское, как и прежде фарисействовали «с Алексеем и попом», когда делали вид, что творят благое, а сами причинили царю столько зла, сколько бесы.

3) Курбский называет мучениками злодеев и изменников, тем самым желая свою измену прикрыть «лестью языка».

Угроза божьего суда.

III. Принципиальное неприятие позиции Курбского Иваном:

1) Примеры из истории и Святого писания свидетельствуют, что подлинный царь самовластен и должен внушать ужас. Кто ты такой, чтобы это оспорить?

2) Священникам и служилым людям («рядникам») нельзя царством владеть по Святому писанию, древней и церковной истории. Святительство ниже царства (здесь — контрвыпад против «праведников у власти» Курбского).

Ты же защищаешь этих людей, называешь изменников доброхотными, хотя на самом деле ими двигало только корыстолюбие. Этим ты служишь бесам («По злобесному хотению ублажаешь людей сих»).

Угроза Божьего суда.

IV. Ответ на конкретные обвинения Курбского:

1) Гонения на тебя справедливы, и ты изменник, и предки твои изменники.

2) Писал, что я «избил сильных во Израили» — и не знаю, кто это такие, воевод у нас хватает, а своих холопов я хочу — жалую, а хочу — казню.

3) Крови в церквях не проливал, мучеников за веру у меня нет.

4) Обвиняешь меня в лукавстве и клевете — а чего мне клеветать, ведь я не рвусь, в отличие от вас, ни к чужой власти, ни к чужому имуществу.

V. Общая картина царствования Грозного:

1) Рассказ о страданиях Ивана IV в юности, о боярских изменах и издевательствах. Это ли служба Богу и государю?

2) Восстание во время пожара 1547 г.— следствие боярской измены.

3) Я приблизил Адашева и всем боярам простил их измены. А Адашев сдружился с Сильвестром, тут же изменил, и вы (sic!) стали «причитать к своим вотчинам и градам», возвышать своих сторонников и давать мне лукавые советы под видом блага. И указывали даже, как мне дышать и ходить. Когда царь был в таком гонении — «разве тогда православие сияло»?

4) Перечисление других измен бояр во главе с Адашевым и Сильвестром (насильно в 1552 г. везли к Казани, мятеж 1553 г., заступничество за С.Ростовского, «недоброхотство» к царице Анастасии, шантаж здоровьем жены и сына во время начала Ливонской войны). И за все эти измены я обошелся с ними по-христиански, наложил очень мягкую опалу. Это ли кровопийство, в котором ты меня обвиняешь? А ведь вы все были предатели, устраивали гонения на христианство, творили, что хотели, «избрав вместо государственного владения самовольство».

5) С изменниками поэтому я расправился справедливо, и мне судья только Бог. Карать изменников всегда было богоугодным делом (примеры из древней и церковной истории). А ты «скверных тленных» человек, наказанных за их «поганство», мучениками нарицаешь?

6) Вы не совершили ни одного богоугодного деяния, и все завоевания (Казань, Астрахань, Ливония) стали успешными, только когда «ваша собацкая власть преста». От ваших же походов христианству была только «пагуба». Если бы не ваше «злобесное претыкание», то давно бы уже завоевали и Прибалтику.

Резюме: настойчивый мотив богопротивности Курбского и его сторонников.

VI. Обсуждение вопроса, кто из спорщиков более богоугоден:

1) Бессмертным я себя не мню, я очень набожен и ответственен перед Богом. Чем же я гордец, если «от Бога повинным мне рабам повелеваю»? Впрочем, ты, собака, этого и не поймешь.

2) Я устраивал гонения на христиан? А разве вы с Адашевым и Сильвестром их не устраивали?! Кто вам послушен — к тому вы относитесь хорошо, а кто вас хоть немного порицает (например, я) — того преследуете!

3) Если ты не можешь за многочисленностью описать все мои злодейства и опалы, то я не могу описать всех ваших измен и подлостей. Мои кровь и пот, пролитые от вас, вопиют к Богу, а пролитые вами от меня — ерунда, ибо вы их пролили за безумие, а я — за православие.

Резюме: между тобой и мною Божий суд, только ты лукав, призываешь в судьи Христа, а сам его заповедям не следуешь.

VII. Описание конкретных военных прегрешений Курбского (главный укор — битва при Невеле).

VIII. Завершающие обвинения Курбского в отступничестве от Христианства:

1) Прогнанных от нас нет, есть сами от православия отторгшиеся, в том числе и ты.

2) Давая мне злые советы (до сих пор), вы попираете «ангельский образ», хотите быть нашими владельцами. Это — антихристианское деяние.

3) Службой у Сигизмунда ты обрел государя по «своему собацкому хотению». Это — антихристианское деяние.

4) Кто тебя поставил судьей и учителем? Самозванно захватил «учительский сан», поучаешь от имени Бога — а ведь пророк Давид сказал, что, делая вид, что говоришь божьими устами, распространяешь злобу и лесть. Это — антихристианское деяние.

Резюме: ты уже потерял шансы не то что на божественное, а даже на «простое прощение».

Вышеприведенный анализ позволяет нам сделать несколько очень важных выводов. Во-первых, в ППГ нет никакой «Избран-

ной Рады»: речь идет обо всех «изменных боярах и воеводах», объединенных местоимением «Вы». В одну группу здесь объединены Курбский, Адашев, Сильвестр, Дмитрий Курлятьев «лидеры предателей» и прочие «изменники». Грозный обвиняет в узурпации его власти путем «злобесных советов» слишком широкую группу людей, чтобы именовать ее правительством, «Радой». Речь, таким образом, идет о несогласных с позицией царя боярах и воеводах, за это попавших в опалы различного масштаба. Напомним, что в глазах Грозного любое, даже ничтожное несогласие с властью было изменой Богу и государю, и, соответственно, претензией на собственную власть.

Во-вторых, образы злобесных советников Адашева, Сильвестра, Курбского и других синкретично связаны с концепцией прерогатив царской власти Грозного. Они привлекаются царем для иллюстрации, подтверждения его теории: смотрите, что может случиться, если «рабы и попы» придут к власти!

В-третьих, центральной темой дискуссии Грозного и Курбского оказывается тема грехопадения — кто из спорщиков больше согрешил. Исторические деяния друг друга они рассматривают исключительно с точки зрения богоугодности своих поступков. Это неизбежно вызывает эффект «сгущения красок», фактическая сторона повествования приобретает конъюнктурный характер.

В-четвертых, основным пафосом ППГ оказывается следующее: в государстве завелась измена, и Бог требует ее вычистить. Грозный и принялся за это богоугодное дело: начал с Сильвестра, Адашева, Курбского, а там и до остальных дойдет очередь. Учитывая дату составления ППГ — 5 июля 1564 г.,— надлежит полностью согласиться с Р.Г.Скрынниковым, что ППГ есть «программный документ опричнины»[13]. Эту мысль подтверждает совпадение основных идей ППГ с мотивацией введения опричнины, изложенной Иваном IV в письме, присланном митрополиту 3 января 1565 г. из Александровой слободы. В нем все нам знакомо: после смерти Василия III изменники, бояре и воеводы раскрали государеву казну, разобрали его государские земли себе в вотчины, эксплуатировали систему кормлений, нерадиво служили, духовенство при этом все покрывало и вступалось за недоброхотных. Иван IV, не вынося таких измен, удалился в слободу и ввел опричнину как средство борьбы с изменниками. Но в таком случае ППГ — документ низкой степени исторической достоверности, ибо в нем идеологические мотивы превалируют над отображением исторической реальности.

А что на все это отвечает князь Курбский?

А ничего.

Содержание ВПК в этом отношении необъяснимо: Курбский не опровергает и не подтверждает слов Грозного, он лишь негативно отзывается по поводу всего ППГ в целом и довольно беспомощно

продолжает муссировать тему личных обид и Божьего суда. Вот структура ВПК:

I. Критика ППГ:

1) Недостойно бранишься, плохо пишешь на неприличные темы (о постелях, о телогреях), а здесь ученые люди живут, и им твое письмо даже показать стыдно.

2) Вместо слов утешения мне, невиновному, ты ругаешься и обвиняешь меня во всех смертных грехах.

Да будет тебе Бог судьею!

II. Повторение мотивов ППК:

1) Ты «избил» и ограбил всех, кого только мог.

2) Ты несправедливо обидел меня.

Да рассудит нас с тобой Бог!

III. Мысль о неверном характере самой дискуссии: «Недостоит мужам рыцарским свариться». Пусть нас рассудит Бог.

Такой лаконичный ответ на подробные и красочные обвинения Грозного в ППГ выглядит по меньшей мере странным. Вместо того, чтобы уличить неправедного государя в лжи или клевете на благих мужей, Курбский сочиняет отписку. Реакция на образы Адашева, Сильвестра, Курбского и других как правителей Русской земли просто отсутствует. Видимо, многие вопросы и темы, освещенные царем в ППГ, оказались для опального князя полнейшей неожиданностью.

Ободренный успехом, в ВПГ Грозный повторил основные идеи ППГ, приведя еще ряд примеров, что Бог на стороне Ивана IV, а не изменника Курбского (победы в Ливонской войне).

И лишь в ТПК и ИВКМ, написанных годы спустя после ППГ[14], Курский, так же уделив традиционное внимание репрессиям и моральному падению Ивана IV, попытался опровергнуть основные идеи ППГ и ВПГ. При этом он не отказался от своей схемы, что Иван Васильевич стал царем-еретиком и одержим антихристианскими деяниями, но фактическая наполненность этой схемы оказалась во многом заимствованной из ППГ. Из него Курбский взял идею об окружавших царя советниках, изобразил их праведниками; гонения и клевета на этих святых мужей и являются главным свидетельством грехопадения Ивана IV. Для доказательства этого тезиса проведем структурно-семантический анализ ТПК и ИВКМ:

I. Греховная лживость Ивана IV:

1) Письмо царя — «покаяние Манассии», обвиненного в непотребствах; царь лукавит.

2) Оклеветал праведника Сильвестра, который исцелял твою душу, как хирург.

3) В прежние, благочестивые дни, ты обращался за рекомендациями к советникам-праведникам, а сейчас тебя окружают злые советники, которые и сгубили твою душу.

II. Ответ Курбского на личные обвинения Ивана IV:

1) Моя измена — вынужденная, из-за тебя.

2) Мое участие в войне на стороне врага — «и Давид был принужден с погаными воеватъ», не клевещи — церквей я не жег.

3) Твою царицу Анастасию не травил, за Владимира Старицкого не агитировал, власть твою не захватывал.

Всех отъездчиков ты зовешь изменниками, затворил Русь, как тюрьму.

III. Выводы Курбского об «окаянстве» Ивана IV:

1) Апелляция к Цицерону: ты окаянный, а мнишь себя блаженным;

2) Даже «поганские философы» постигли божественную истину, а ты нет. Чем ответишь на Божьем суде?

3) В святых книгах пишут: злым и лукавым (как ты) Бог не помогает. Из-за твоих грехов Москву сожгли.

IV. Причины «окаянства» царя:

1) «Избил» и растерял своих лучших бояр и воевод, вместо них остались «калики».

2) Все делал назло нашим мудрым советам и пророчествам праведника Сильвестра.

3) Когда был с нами, «избранными во Израили», все было хорошо, а сейчас окружил себя лукавыми советниками — и все рухнуло.

4) И еще погибают властители из-за невыполнения законов и из-за незаботы о подданных.

V. Угроза Божьего суда, в исходе которого Курбский не сомневается.

ИВКМ:

I. Меня спрашивают: каким образом Иван IV стал грешником? Ответ:

1) Дьявол вселял в русских князей злые нравы, особенно через жен.

2) Василий III развелся и взял Елену Глинскую против закона Божия.

3) Иван IV, таким образом, родился от греха и от злой жены, и с малолетства «великие гордые паны» понуждали его к сладострастию и жестокостям.

4) Это и привело к первому проявлению Божьего гнева — бунту и пожару 1547 г.

II. Богоугодное исправление Иоанна:

1) В разгар Божьего гнева явились Сильвестр и Адашев, в них «благодать Святого Духа», они произвели как будто хирургическую операцию над душой Иоанна — обратили его к благочестию.

2) Адашев и Сильвестр переориентировали царя на «Святое житие», молитву и пост;

3) И собрали они к нему лучших советников (как говорил Соломон, «Царь с советниками, аки град на твердых столпах»). Это и была «Избранная Рада». Она защищала вдов и сирот, поощряла праведно служащих бояр и воевод, а лукавых льстецов, ранее окружавших Ивана, прогнала.

III. Обращение государя к благочестивому житию было благотворно для страны:

1) Русь ополчилась против всех поганых — Казани, Крыма, ногаев, и всех побила или потеснила.

2) Описание собственных подвигов Курбского во время осады Казани.

IV. Начало превращения царя в сатану из-за пробуждения дурных свойств его души и влияния злых советников:

1) Вместо благодарности за взятие Казани — речь к воеводам: «Ныне боронил меня Бог от вас!» Принял сатана человеческий язык!

2) Отказ слушать совет божьего человека — Максима Грека и внимание к советам «ласкателей», злобесного Вассиана Топоркова.

3) Отсюда и возомнил встать выше всех, отринув все благие советы. Это все глас дьявола, порождающий претензии Грозного стать равным Богу. Курбский иллюстрирует этот тезис легендой о царе Фосфоре и обильными ссылками на Святое писание и отцов церкви.

4) Проявление Божьего гнева на это изменение в Иване — смерть царевича Дмитрия из-за того, что Иван не послушался богоугодного совета. Пришлось еще 6 лет воевать Казань — выяснилось, что не до конца покорили.

5) Но Иван «наквасился лютостью» еще не до конца, и еще несколько лет праведно царствовал, поэтому смогли окончательно покорить Казань и добиться первых успехов в Ливонской войне.

V. Окончательное превращение Ивана в сатану на троне:

1) Вместо того, чтобы возрадоваться милости Бога за свое благочестивое поведение, прислушался к лукавым советам, изгнал советников-праведников Адашева и Сильвестра, причем судил их судом заочным, неправедным.

2) Ласкатели соблазнили его душу «в пиры», «разорили царское честное и воздержательное житие». Это было на руку дьяволу.

3) Начались гонения на праведных. Сравнение Ивана с Иродом и апелляция к Божьему суду.

4) Мартиролог Курбского (гл. VI — «О побиении княжеских родов», гл. VII — «О побиении дворянских и боярских родов», гл. VIII — «О страдании великомучеников» [репрессии Ивана IV против церковных деятелей]).

VI. Заключение. Сравнение царя-Ирода с другими мучителями праведников, и новых святых учеников с древними:

1) Похвала новым мученикам.

2) Были и до Ивана цари-грешники, но те хоть покаялись, а этот и каяться-то не хочет и этим утверждается на сатанинском пути.

3) О Кроновых жертвах, Афродитовом грехе и прочих сквернах царя.

4) Считает себя христианским царем, а сам попрал все заповеди своим поведением и избиением невинных, среди которых, между прочим, праведники, которые много добра Руси сделали.

Угроза Божьего суда. Христос воздаст всем — и мучителям, и мученикам. Похвала Христу. Аминь.

В ТПК необходимо обратить внимание на п. II. 3. В нем Курбский воспринимает все обвинения царя, возводимые на «вас» (Адашева, Сильвестра, прочих изменников) на свой *личный* счет. Никакой «Избранной Рады» здесь нет. Есть образы «избранных во Израили» (п. IV. 3), избитых Иваном, т.е. трактовка оппозиции Ивану IV столь же широка, как и в ППГ — это все опальные Ивана IV, в том числе и Курбский. Образ правительства, смирявшего лютого царя, «Избранной Рады» во главе с Адашевым и Сильвестром был сформулирован только на страницах ИВКМ.

Необходимо констатировать, что в ИВКМ обвинения Грозного Курбский либо обходит, либо опровергает от своего личного имени. Он не соотносит их со своей «Избранной Радой». Если Адашев и Сильвестр в ППГ совершают конкретные измены, то в ИВКМ и ТПК их образы почти лишены фактической наполненности. Это — литературно-житийные образы. Их фигурирование в тексте строго подчинено сверхзадаче Курбского — показать грехопадение Ивана IV. Это говорит о вторичности образов Адашева и Сильвестра у Курбского по сравнению с Адашевым и Сильвестром Грозного.

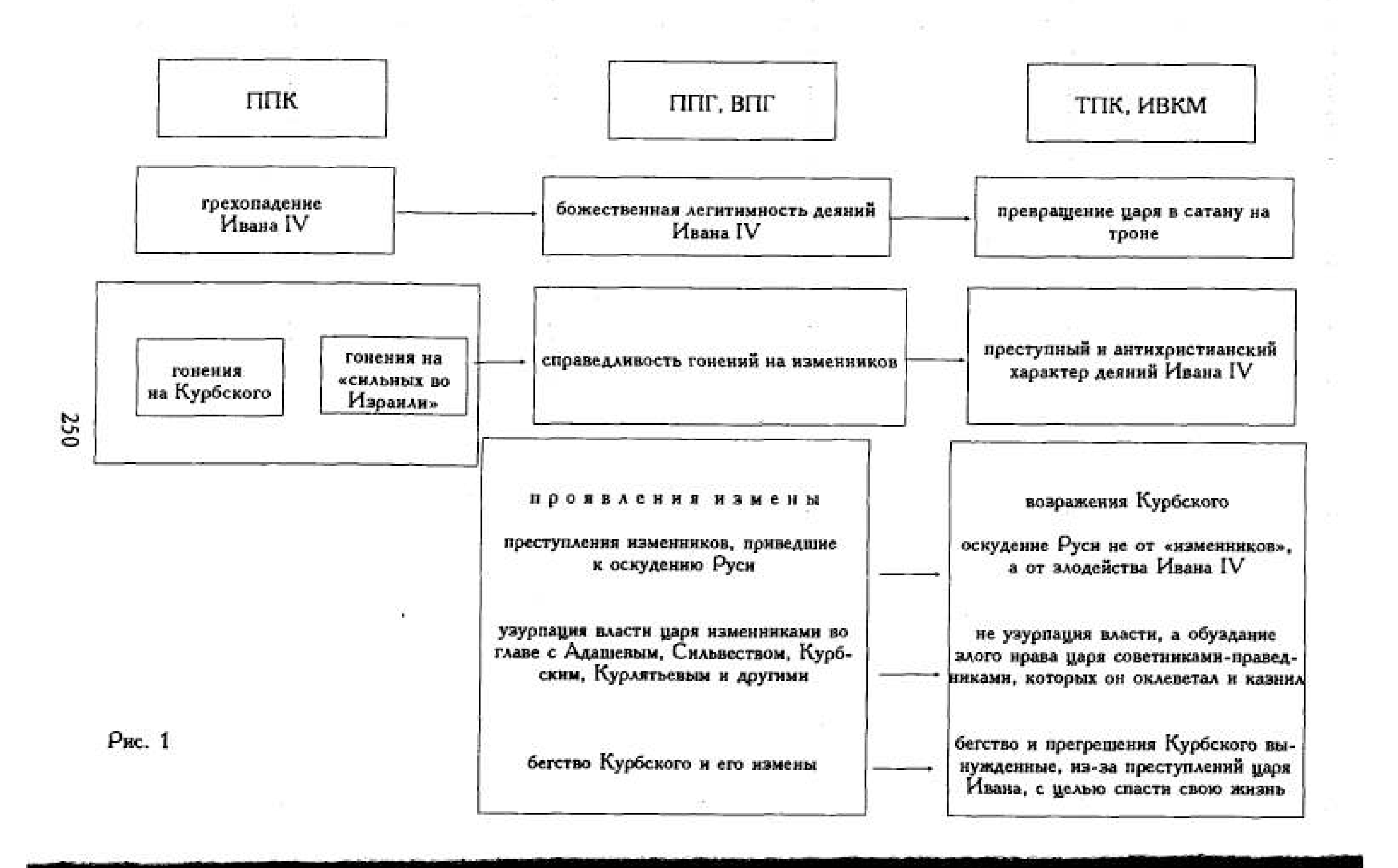
На некоторую спонтанность появления у Курбского образов Адашева и Сильвестра указывают его послания в Печерский монастырь к Васьяну. Проблема кризиса России ставится уже во

втором письме к старцу (1564 г.): «Державные, призванные на власть от Бога... грех ради наших вместо кротости свирепие зверен кровоядцов обретаются... неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умыслиша. О нерадении же державы и кривине суда и о несытстве грабления чужих имений ни изрещи риторскими языки сия днешние беды невозможно». А священники не заступаются за праведных, воруют и учат воровать, и нет пророка, обличившего бы неправедных царей[15]. Мотив нехороших священников, потакающих порокам времени, повторяется и в III письме к Васьяну (1564 г): «И ни малые помощи ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые о них потаковники их кровем нашим наострители явишася»[16]. Нарисованная Курбским картинка мало подходит под нарисованные им же в ИВКМ образы благостных правителей России Адашева и Сильвестра. К их блаженным временам он почему-то не апеллировал в качестве противопоставления предопричным безобразиям Грозного, хотя, судя по ИВКМ, именно сдерживание временщиками пороков царя и было основным содержанием русской истории вплоть до 1560 г.

Выводы из этого могут быть следующими. До известий ППГ о Раде Курбский не знал о существовании такого правительства. Все его известия вторичны, представляют собой вывернутые наизнанку идеи Грозного. Образы Адашева и Сильвестра у Курбского житийные, созданные в противовес антижитийному, нехорошему Ивану IV[17]. Чего стоит, например, описание князем появления Сильвестра в 1547 г.: «И в то время дивно бе, яко Бог руку помощи подал отдохнуть земле христианской образом сим. Сильвестр царю душу его от прокаженных ран исцелил, и очистил, и развращенный ум исправил, тем и овым наставляше на стезю правую. С ним же соединяется в общение един благородный тогда юноша... именем Алексей Адашев, цареви ж той Алексей в то время зело любим был и согласен, и был он общей вещи зело полезен, и отчасти, в некоторых нравах, ангелам подобен»[18].

Очень ценным представляется наблюдение Ю.Д.Рыкова: в ИВКМ Курбский ни слова не говорит ни о введении опричнины, ни об ее отмене, а напрямую связывает облютение и окончательное грехопадение Ивана с ликвидацией правительства праведников — «Избранной Рады» — в 1560 г.[19] Между тем известно, что переворот во внутренней политике Грозного, переход к государственному террору связан именно с введением опричнины, т.е. с 1564/65 гг. Следовательно, Курбский сознательно сместил дату грехопадения государя на 4 года, чтобы уложить ее в предложенную самим же Иваном схему, ориентирующуюся на дату опалы и смерти А.Ф.Адашева (1560 г.).

Таким образом, структурный анализ документов дискуссии Грозного и Курбского позволяет предложить следующую схему

ППК
ППГ, ВПГ
ТПК, ИВКМ
грехопадение Ивана IV
божественная легитимность деяний Ивана IV
превращение царя в сатану на троне
гонения на Курбского
гонения на «сильных во Израили»
справедливость гонений на изменников
преступный и антихристианский характер деяний Ивана IV
проявления измены
преступления изменников, приведшие к оскудению Руси
узурпация власти царя изменниками во главе с Адашевым, Сильвестром, Курбским, Курлятьевым и другими
бегство Курбского и его измены
возражения Курбского
оскудение Руси не от «изменников», а от злодейства Ивана IV
не узурпация власти, а обуздание злого нрава царя советниками-праведниками, которых он оклеветал и казнил
бегство и прегрешения Курбского вынужденные, из-за преступлений царя Ивана, с целью спасти свою жизнь
Рис. 1

развития спора и формирования в переписке темы правительства Адашева-Сильвестра (см. рис. 1).

Таким образом, повторим некоторые, наиболее важные выводы: тема «Избранной Рады» в переписке вторична, первоисточником ее является ППГ, Курбским она заимствована. Тема «Рады» носит в значительной мере идеологический характер и служит для Грозного в качестве оправдания своего «лютого» поведения, а для Курбского — для доказательства грехопадения Ивана IV.

Установив место темы «Избранной Рады» в логике спора царя и диссидента, теперь рассмотрим фактическую загрузку этой темы. Иными словами, насколько сообщаемые в переписке сведения о «Раде» носят идеологический, конъюнктурный, выдуманный характер, а насколько их можно признать адекватными исторической реальности.

В ППК ни Адашев, ни «Рада» не упоминаются. Идет настойчивый мотив «согласующих тя ласкателей и товарищей трапезы бесовские...». Основные обвинения в адрес Грозного — обиды личного характера плюс избиение «сильных во Израили» воевод.

В ответе, ППГ, царь называет измену Курбского государю изменой Богу, охотно подхватывает тему нехороших советников. В их число Иван с первых же строк заносит и самого Курбского, обвиняя: «К сему же и Литовская брань учинилася вашею изменой и недоброхотством и нерадением безсоветным»[20]. Фигуры Адашева, Курбского, Сильвестра как виновников и разжигателей Ливонской войны выглядят странно, если соотнести это заявление с подлинной историей причин этого конфликта. С известными оговорками в этой роли еще можно увидеть А.Ф.Адашева, но относительно остальных Иван Васильевич явно сильно преувеличивает. Никаких доказательств правдивости этого обвинения нет.

Затем Грозный обвиняет «изменников» в попытках захвата власти, которые они лелеют вплоть до настоящего времени: «...вина и главизна всем делом вашего злобесного умышления, понеже с попом положисте совет, дабы аз словом был государь, а вы б с попом делом. Сего ради вся сия случишася, понеже и доныне не престаете, ущемляюще советы злыя»[21]. Неясно, какие «злые советы» пытались ограничить власть Ивана на пороге опричнины в 1564 г. Ведь называемые им по фамилиям враги давно сошли с политической арены: Адашев в 1560 г. умер, Сильвестр в монастыре, Курбский бежал. Правда, все становится на свои места, если вспомнить, что любое высказанное вслух мнение о том, как надлежит поступать государю, царь расценивал как попытку захвата его власти. Тогда ППК было этой попыткой, «злым советом», да еще каким! Но тогда неизбежен вопрос: а не были ли прегрешения «попа и Алексея» обычным советом, а не захватом власти?

Далее Иван излагает историю измены. Преступления Курбского, с которым объединяются все изменные бояре, начались еще в период малолетства царя. Период бесчинств боярского правления Грозный описывает довольно точно. Правда, он явно связывает изменников того времени с изменниками нынешними, не указывая между ними разницы, употребляя местоимение «вы».

После описания организации изменниками-боярами убийства Юрия Васильевича Глинского в 1547 г. Иван называет предводителей антицарского заговора при его дворе: «До того же времени бывшу сему собаке Алексею Адашеву, вашему начальнику, нашего царствия во дворе, и в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворившася, нам же такия измены от вельмож своих видеше, и тако взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямые службы. Каких же честей и богатств не исполних его, и не токмо его, но и род его! ... По сем же, совета ради духовнаго, и спасения ради души своея, приях попа Сильвестра, а чающе того, что он, предстояния ради у престола владычня, побережет своея души...»[22]. Заметим кстати, что, по Курбскому, сперва был приближен Сильвестр, и лишь потом Адашев. Адашев и Сильвестр сдружились и стали претендовать на власть. Они ввели в «синклит» Дмитрия Курлятьева. В 1553 г. они стремились, как Ирод, погубить царевича Дмитрия. Они вступались за изменника С.Лобанова-Ростовского. При начале Ливонской войны Адашев и Сильвестр выступили против нее. Временщики также были причастны к некоторым внутриполитическим преступным деяниям. «Такава отягчения» Иван IV «не могохом понести, еже нечеловечески сотвористе, и сего ради, сыскав измены собаки Алексея Адашева со всеми его сответники, милостивно ему свой гнев учинили, смертные казни не положили, но по разным местом розослали». «Попу же Сильвестру, видевши своих советников ни во что не бывше, и сего ради своею волею отоиде»[23]. Когда «Алексеева и ваша собацкая власть преста», Москве окончательно покорились Казань и Астрахань, начались успехи в Ливонии (здесь Грозным сознательно перепутана хронология событий).

Сходная трактовка вины временщиков содержится в ВПГ. «Вы хотесте с Попом Сильвестром и с Олексеем с Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Русскую землю видети», — таков его лейтмотив. Опять-таки обратим внимание, что Грозный зачисляет в группу изменников-узурпаторов власти всех неугодных ему бояр и воевод, объединенных местоимением «Вы».

В чем же конкретно, согласно Грозному, проявились узурпация и злоупотребления властью Сильвестром и Адашевым и их сторонниками?

Первое обвинение: «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градах и на властех совладети... и что от сего случишася в Руси,

егда быша в коемждо граде градоначальницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего, сам своими беззаконными очами видал еси»[24].

В этом отрывке принято видеть намек на систему наместничеств, кормлений. Но ведь попытка ее отмены имела место именно в 1550-е гг., т.е. тогда, когда, согласно Грозному, в стране безраздельно правили временщики. Обвинение лиц, якобы входивших в отменявшее наместничество и кормления правительство, в насаждении наместнических порядков, выглядит по меньшей мере абсурдным.

Весьма сомнительный характер носит и другая претензия — якобы имевший место боярский мятеж 1553 г. Это обвинение царя выдумано, на самом деле был лишь неосуществленный заговор, случайно раскрытый в 1554 г. при следствии над С.Лобановым-Ростовским; кстати, в следственную комиссию, под пыткой вырвавшую у него признание в государственной измене, входил А.Ф.Адашев.

Следующая претензия Грозного: «Вас почали причитать к вотчинам и ко градом и к селам, еже деда нашего великого государя уложение, которые вотчини у вас взымати и которым вотчинам еже несть потреба от нас даетися, и те вотчины ветру подобно раздаяли неподобно, и то деда нашего уложения разрушили, и тем многих людей к себе примирили»[25]. Вновь мнимое правительство обвиняется в нарушении собственных указов. Реформами 1550-х, наоборот, ограничивались все возможные случаи злоупотребления и разбазаривания земельного фонда. Указ 1562 г., расправляющийся с правом неограниченного наследования княжеских вотчин, выдержан в общем духе законодательства 1550-х гг., следовательно, говорить об исправлении политики «Рады» после ее падения в 1560 г. нельзя. Таким образом, и это обвинение Грозного выглядит странным.

Сторонники Адашева и Сильвестра обвиняются царем в насаждении ими повсюду, на всех государственных постах своих людей (хотя конкретно Иван называет только имя Дмитрия Курлятьева): «...ни единые власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучшиша. Посем же с тем своим единомышленником от прародителей наших данную власть от нас отъяша, еже вам бояром нашим по нашему жалованию честию и председанием нашим почте иным быти, сия убо вся во своей власти, а не в нашей положиша... вся строения и утверждения по своей воле и своих советников хотения творяще»[26].

Ликвидация «Рады» неизбежно вела бы к ликвидации ее сторонников. Между тем до времени опричнины мы не знаем такого масштаба репрессий, который бы соответствовал описанному Грозным масштабу проникновения изменников во все звенья государственного аппарата. Р.Г.Скрынников рисует картину массовых гонений на сторонников А.Ф.Адашева и Сильвестра после их падения[27]. На наш взгляд, с приводимыми им примерами нельзя согла-

ситься. Исследователь считает всех опальных 1559—1560 гг. членами «Избранной Рады» (И.Г.Выродкова, И.Е.Цыплятьева, И.В.Вешнякова и др.). Однако абсолютно ничего не свидетельствует о том, что эти лица были связаны с Адашевым или Сильвестром и попали в опалу именно за эту связь. Совпадение даты репрессий в данном случае не является убедительным аргументом, нужны дополнительные свидетельства их связи с «Радой». Вторая причина, по которой мы не можем согласиться с Р.Г.Скрынниковым,— он объединил в одну группу всех опальных 1560—1565/66 гг. (Туровых, Сатиных, Дм.Курлятьева, А.Горбатого) и связал их опалу с падением А.Ф.Адашева в 1560 г. В таком случае неясно, почему опала на мнимых членов «Рады» последовала спустя 2, 3, а то и 5 лет. Родственники Адашева были репрессированы только в опричнину, в числе многих других бояр и воевод. Дмитрий Курлятьев (единственная фамилия сторонников временщиков, называемая Грозным) попал в опалу в 1562 г. по совершенно постороннему поводу. Таким образом, мнение Скрынникова о гонениях на вышеназванных лиц как членов «Избранной Рады» не представляется убедительным.

В ответ на обвинения в произволе Иван IV нервно огрызается: «А вы с попом и Алексеем не гонили?» В качестве жертв репрессий «Рады» он называет коломенского епископа Феодосия и дьяка Н.А.Фуникова-Курцева. Эта информация не подтверждается. Н.А.Фуников благополучно занимал видные государственные посты вплоть до 1570 г., когда был казнен самим Грозным по «новгородскому изменному делу». Следов гонений на Феодосия мы тоже не обнаружили: 2 июля 1542 г. он был назначен Макарием, коломенским владыкой, в 1563 г. его на этом посту сменил Герасим.

И последнее — мелочная духовная регламентация жизни царя: «И тако убо ниже во внешних, ниже во внутренних, ниже в малейших и худших, глаголю же до пища и до спанья, вся не по своей воле бяху, но по их хотению творяхуся...»[28]. Учитывая, что Сильвестр был автором или редактором Домостроя, этого своеобразного устава домашней жизни, ситуация, в которой священник пытался бы применить свое морализаторство к царю, пугая его при этом Божьей карой, в целом вероятна.

Какие выводы можно сделать из анализа информации об А.Ф.Адашеве и Сильвестре, сообщаемой Грозным? Во-первых, как мы уже отмечали, в понятие «изменных советников» царь объединяет (с помощью местоимения «вы») всех своих мнимых врагов, начиная с боярского правления и кончая А.М.Курбским. Столь широкая трактовка не служит в пользу версии о существовании особого правительства — «Избранной Рады».

Во-вторых, единственная претензия Грозного, находящая подтверждение,— мелочная духовная регламентация жизни царя. Все

остальные обвинения противоречивы и голословны и не подтверждаются другими источниками.

В-третьих, рассказ Грозного об Адашеве и Сильвестре служит явной иллюстрацией к его концепции государственной власти и приемом полемики с Курбским. Т.е. он имеет в бóльшей степени идеологическую и полемическую нагрузку, чем фактическую основу. Несомненен только сам факт вхождения Адашева и Сильвестра в «коридоры власти». Но ничего сверхъестественного в этом факте нет: Адашев был членом правительства как окольничий и сотрудник аппарата Казны, Сильвестр — вхож в высшие придворные круги как священник государевой домовой церкви. Иван Васильевич так и не привел в своих посланиях убедительных конкретных фактов злоупотребления властью этими людьми.

Какие контраргументы на обвинения Грозного приводит Курбский? В ППК и ВПК ни слова ни о какой «Раде» нет. Подробные сведения о ней помещены лишь в ТПК и ИВКМ. В них сказано, что Сильвестр, как хирург, исцелил душу царя, произнеся перед ним пламенную речь во время пожара и бунта 1547 г. Сомнительную достоверность этого факта мы доказали в специальной статье[29].

Далее, по словам Курбского, со священником объединился ангелоподобный юноша Алексей Адашев. Эти святые мужи утвердили на благое, честное и кроткое право славное житие воспитанного в разврате и кровопийствах юного царя. Они отделили от него развращающих ласкателей, приучили к православному благочестию. Временщики собрали к Ивану IV мудрых советников: «благочестивых и страхом божьим украшенных», и «еще ему приязнь и дружбу усвояют, яко без их совету ничивоже устроити или мыслити». Назывались эти советники: «...Избранная Рада, воистину по делом и наречение имели: понеже все избранное и нарочитое советы своими производили, сиречь: суд праведный, нелицеприятен, яко богатому, тако и убогому, еже бывает в царстве наилепшее, и к тому воевод, искусных и храбрых мужей, супротив врагов избирают и стратилатские чины устроют... а аще кто явится мужественным в битвах, и окровит руки в крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, так и недвижными. Некоторые ж из них, искуснейшие, того ради на высшие степени возводились. А паразитов, или тунеядцев, сиречь подобедов или товарищей трапезам, яже блазенством или шутками питаются, и кормы хают, не токмо тогда недаровано, но и отгоняемо, вкупе со скомрахи, и со иными, прелукавыми и презлыми, таковы и роды, но токмо на мужество человеков подвизаемо и на храбрость всякими роды даров или мздовоздаяниями, каждому по достоянию»[30].

Что же можно конкретно узнать о «Раде», основываясь на этом свидетельстве Курбского? Перед нами идиллические образы благородных и справедливых судей, заступников за вдов и сирот, покро-

вителей верных слуг государства, защитников молодого и неопытного царя от искушения. Но при всем желании в этом тексте нельзя найти указания на конкретные государственные действия, правительственную деятельность. Данное место у Курбского носит слишком общий и явный агиографический характер. Он рисует образы ангелоподобных мужей в противовес бесстыдному грешнику и кровопийце Грозному. Изложение сущности деятельности «Избранной Рады» носит у Курбского пропагандистский характер и не может быть признано заслуживающим полного доверия.

Вообще конкретные сведения об Адашеве у Курбского довольно скудны. После описания его ангельского облика он упоминается всего четырежды. В бою под Феллином отличился его слуга, поймавший «ленсмаршалка» Филиппа[31]. В 1553 г. А.Адашев вместе с А.Курбским, И.Мстиславским и царским духовником Андреем передал царю пророчество Максима Грека о смерти царевича Дмитрия в случае продолжения «Кирилловского езда»[32]. В 1560 г. А.Адашев был по клевете «шурьев» (т.е. Захарьиных) удален от двора, заочно осужден и сослан наместником в Феллин, где «ради его доброты» хотели сразу сдаться все Ливонские грады, затем опальный окольничий был переведен под домашний арест в Дерпт, где и умер.

Если исключить умиляющую картину сдачи Ливонских городов полусвятому юноше из-за его ангелоподобного облика, то эти факты, хотя и не подтверждаются ни в каких других источниках (кроме сведений об опале), вполне могут быть достоверны. Но в них нет ничего, указывающего на реальное всевластие Алексея Федоровича.

Правда, сам факт созыва заочного суда, описанный Курбским, вызывает большие сомнения. Характер обвинения («очарование» царицы Анастасии «до смерти») предполагал расправу куда более крутую, чем назначение воеводой в один из ключевых военных пунктов на границе и позволение спокойно удалиться в монастырь. К тому же Курбский допустил здесь передергивание фактов: опала Адашева выразилась, прежде всего, в снятии его с поста главы комиссии Боярской Думы по западноевропейским делам и в отправке на фронт. У Курбского же получается, что Адашев сперва оказался на фронте, а уже после этого был на соборе подвергнут заочному осуждению и опале. К тому же никаких других упоминаний об этом соборе в источниках не сохранилось, и сам Грозный ничего о нем не говорит.

Ключевым для понимания концепции Курбского является вопрос о значении термина «Избранная Рада». Мы присоединяемся к мнению А.Н.Гробовского: «избранные» — это моральный термин, обозначающий «сильные во Израили», «богоизбранные» — т.е. это лучшие бояре и воеводы, лица, упоминающиеся в мартирологе ИВКМ[34]. Ливонская война вызвала фактическую смену русского истеблишмента (этот процесс начался в 1558 г. и достиг своего

апогея в опричные годы). Она и была той самой заменой «избранных» на «каликов» и «подобедов», о которой писал Курбский. Она затронула все слои государственного (состав Боярской Думы, Казны, Дворцов, Приказов и Изб) и военного аппарата. Этот «сонм советников» и был, по всей видимости, тем, что Курбский назвал «Избранной Радой», а Грозный — «злобесным советом изменников». Это не было правительством «Избранной Рады» в узком смысле этого слова, как правительства А.Адашева-Сильвестра, не существовало. В нее задним числом были записаны все «опальные» и «изменные» Грозного, с которыми последний связывал охвативший страну предопричный кризис. Курбский, напротив, видел в них лучшие силы страны, своей деятельностью обеспечившие ее экономический и военный подъем 1550-х гг. Сама «Рада» как «правительство изменников» или «правительство праведников» появляется в источниках позже, как пропагандистский штамп.

Применение термина «Рада» доказывает выдуманность Курбским этого правительства. Ни один российский правящий орган никогда так не назывался, да и не мог называться. Выражения «панов рад», «добрая рада», «израдца» использовались русскими дипломатами в переговорах с Польско-Литовским государством для обозначения правительства этой державы[35]. «Рада» здесь — совет знати при господине, не обязательно конституированный. В этом же смысле термин употреблялся Иваном Грозным в посланиях разным лицам в Польшу, написанным в 1567 г. от имени бояр. Например: «А что ж писал еси о такой собаке, як же есм сам, о Ондрее о Курбском, что его ваш государь жаловал и в чтивости учинил, и коли б ваш государь младенческим разумом не объят был, и он бы вас, панов рад своих, на безделье не служил, и лотровским обычаем такого израздца не жаловат». Так в послании Ходкевичу от имени М.И.Воротынского: «Ино то есть не прямая ваша служба государю нашему и не добрая рада!» (послание Федорову)[36].

Использование Курбским термина «Рада» указывает на памфлетный, пропагандистский характер ИВКМ, нацеленной целиком на читателя из Польско-Литовского государства. Но в таком случае неизбежно возникают вопросы: во-первых, зачем Курбскому понадобилось ориентировать свои произведения именно на эту аудиторию? И во-вторых, зачем ему понадобилось не просто объявить Грозного лжецом и негодяем, а сочинять памфлет легендарного содержания, направленный против царя Ивана Васильевича?

Некоторые исследователи считали, что вся переписка носила прокламационный, памфлетный характер. Их главный аргумент — заголовок ППГ: «Благочестиваго великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии послание во все великия его России государство на клятвопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене»[37]. На его основании

Я.С.Лурье сделал далеко идущий вывод о публичном характере переписки, ее принадлежности к жанру открытых писем[38]. Д.С.Лихачевым письма объявляются сходными с «глумливыми листами», распространявшимися в 1572 г. в Литве по указанию Ивана IV. По мнению Ю.Д.Рыкова и Р.Г.Скрынникова, целью пропаганды Курбского было сколачивание идейной оппозиции к царю, вначале с центром в Печерском монастыре (недаром ППК сходно с первым посланием Васьяну)[39]. Исходя из этой концепции, в переписке мы имеем дело с мощной идеологической кампанией, элементом крупномасштабной политической борьбы в 1560—70-х гг.

Аргументы сторонников этой точки зрения были убедительно оспорены А.А.Зиминым и Р.Г.Скрынниковым. Они доказали, что цитируемый выше заголовок является поздней припиской, а подлинный заголовок, начинающийся со слов «Бог есть Троица...», характерный для писем Грозного, оказался присоединенным переписчиками к первым строчкам ППГ[40].

Таким образом, письма Грозного изначально не были ориентированы на русского читателя. Они предназначались для оппонента лично и для литовского читателя. Их содержание в Литве получило широкую известность. Косвенно это подтверждает и сам Курбский, упрекая в ВПК своего оппонента, что стыдно писать «о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни, и так варварство, яко же не токмо ученым и искусным мужем, но и простым детем со удивлением и смехом, наипаче же в чюждую землю, идеже некоторые человецы обретаются не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских ученые»[41].

Факт широкой известности в подвизающихся в политике польско-литовских кругах основных идей Переписки подтверждают наказы русским послам. В наказе 1567 г. Ф.И.Умному-Колычеву велено говорить об изменах Курбского и его советников, что он «учался звати вотчичем Ярославским, да изменным обычаем со своими советниками хотел на Ярославле государити, да многие изменные дела учал над государем и над его государскими детьми и государской земле учал всякое зло лихо умышляти»[42]. В 1571 г. посольству И.М.Канбарова была дана директива указывать, что Курбский «умышлял над царем, Анастасией и детьми всякое лихое дело», обвинения в захвате Ярославского княжения уже не муссировались. В 1581 г. посольству О.М.Пушкина был дан наказ говорить, что Курбский «еще израдил государю нашему, будучи у государя нашего, подыскивал под государем нашим государства, хотел видети на государстве князя Владимира Ондреевича». При этом послам поручалось «что князь Ондрей учнет им говорити... а его речи записати, да приехав сказати царю и великому князю». При личной встрече с диссидентом послы должны были дать ему следующую отповедь: «Ты забыл Бога и государя и свою душу и

свое отечество и стал еси на православную землю... и ты изменил не от неволи — своею волею, еще на Москве не хотел государю добра ... и изменивши грамоту ко государю невежливо написал еси». При этом надлежало «много речей не плодити, чем ни буди, бранью ли чем отговариватися, да пойти прочь»[43].

Вышеприведенные отрывки показывают несомненную осведомленность высших кругов польско-литовского государства с идеями Курбского и Грозного. Содержание наказов послам, совпадающее по основным пунктам обвинения с ППГ, позволяет согласиться с С.О.Шмидтом, что ППГ являлось официальной концепцией истории правления Ивана IV[44]. То, что конкретный набор обвинений Курбского (кроме общего — «измены») был нестабильным, показывает его конъюнктурность и надуманность (чего стоит одно обвинение в захвате Ярославского княжения). Зато весь этот набор является заимствованным из той или иной части посланий Грозного. Заметим, что в уста послов вкладывается набор обвинений, ранее (в ППГ) прилагаемый Иваном к Адашеву и Сильвестру. Теперь они уже не упоминаются, зато этот список преступлений перед отечеством теперь с равным успехом приписывается лично Курбскому.

Широкую известность в Литве дискуссии царя и великого князя с диссидентом доказывает и сам факт составления ИВКМ. Она была написана, по наиболее аргументированной версии А.А.Зимина, около 1573 г. с целью помешать обсуждению кандидатуры Ивана IV на польский престол[45]. При этом основой обличений царя-кровопийцы для Курбского служит не собственное ППК, а послание оппонента, именно опровергая его, пункт за пунктом, диссидент пытается показать подлинное лицо изверга на троне. Это позволяет предположить определенное знакомство читателей ИВКМ с ППГ (иначе было бы достаточно ограничиться повторением основных идей ППК).

О том, что произведения Грозного и Курбского использовались в высших кругах Польско-Литовского государства в качестве источника по русской истории и политике, свидетельствует письмо Стефана Батория Ивану Грозному (1581 г.). Стефан пишет: «Толко собе припомени, якие еси листы, оземши фортельне, а по змове з некоторыми злыми людми некоторые замки наши у Ифлянтех, кгдысь нас... листом о посланью послов был обезпечил. Паметаешь, яко еси фасливе до нас, и до князя Курпского, и не ведати до кого толко о том еси писал, и то з великою попудливостью» (высокомерием, гордостью.— А.Ф.)[46]. Этот текст показывает знакомство Батория, по крайней мере, с самим фактом и пафосом переписки Грозного и Курбского.

Из всех вышеприведенных фактов видны несомненная ориентированность ИВКМ прежде всего на польско-литовского читателя и известность этому читателю основных моментов дискуссии Грозного

и Курбского. Тогда становится ясным обращение Курбского к термину «Рада»: он просто приспосабливал текст под язык аудитории. Понятен и памфлетный, дискуссионный характер ИВКМ: Курбский не просто обращался к польско-литовскому читателю, он полемизировал на его глазах с Грозным, апеллируя к этому читателю как к оценивающей убедительность аргументов спорщиков инстанции. Поэтому Курбский неминуемо был должен затронуть темы, поднятые в ППГ, иначе бы его полемика выглядела бы однобоко.

В конце XVI — начале XVII в. переписка царя и диссидента проникает из-за границы на Русь. До этого она здесь не была известна, что следует из полного отсутствия ее списков вплоть до конца XVI в., а до 1677 г. нет ни одного сборника, объединяющего ее полностью. В XVII в. переписка начинает использоваться в качестве исторического источника, литературного образца для подражания. Это видно и из выявленных Э.Кинаном фактов использования ППК писателями XVII в. Хворостининым и Шаховским[47], и из сходства ППК с Музейным летописцем 1630-ых гг.[48], и из отсылки на ППГ в летописце Хворостинина начала XVII в.[49] Против Грозного в XVII в. на основе переписки составлялись целые сборники[50]. С.О.Шмидтом опубликован поздний летописчик, второй половины XVIII в., содержащий компиляции летописцев XVII в., в котором налицо текстуальные и концептуальные заимствования из ИВКМ (мартиролог) в части, повествующей об опричных злодействах Грозного[51].

И именно тогда в российской исторической литературе вновь появляются свидетельства о правителях Адашеве и Сильвестре (Пискаревский летописец и вставка в Хрущовскую Степенную книгу). До ввода переписки в литературный и источниковый оборот на Руси о существовании «Избранной Рады» не знали, во всяком случае, в массе исторических сочинений об эпохе Ивана Грозного оно не нашло ни малейшего отражения. Это говорит о субъективном характере трактовки российской истории, содержащейся в переписке (раз в XVI в. ее никто, кроме самих авторов, не придерживается).

Подведем итоги нашего анализа логики спора Грозного и Курбского, динамики развития их дискуссии и степени достоверности исторической концепции, содержащейся в их произведениях. Их можно обобщить в виде нескольких положений, которые мы попытались доказать:

— содержание переписки во многом обусловлено внутренней логикой спора Грозного с Курбским и ее развитием; трактовка целого ряда тем спонтанно возникает в ходе дискуссии и обусловлена стремлением опровергнуть и опорочить оппонента, а не показать, как все было на самом деле. Поэтому переписка в большей степени памятник полемики, отражающей борьбу идей, а не историческую реальность;

— образ «Избранной Рады» вторичен, возникает в ходе дискуссии царя и князя, использование этого образа является полемическим приемом в споре, кто из участников переписки больше похож на богоотступника и сатану;

— первоисточником этого образа служит ППГ, образ «Избранной Рады» у Курбского заимствован и вторичен;

— фактическая наполненность этого образа у Грозного и Курбского содержит много неточностей, выдумок, натяжек и противоречий, достоверными надлежит признать со значительной долей уверенности только два факта: принадлежности Адашева и вхожести Сильвестра в высшие эшелоны правительственного аппарата и в придворные круги, и моральное давление со стороны Сильвестра на Ивана IV и его семью, а также претензии Грозного к Адашеву по дипломатической линии;

— в Литве дискуссия из личной переросла в публичную идеологическую кампанию борьбы за польский престол 1573 г. На Руси же концепция Переписки вплоть до ее проникновения на Русь не была известна, чем и объясняется молчание подавляющего большинства отечественных источников об «Избранной Раде» и ее деятельности;

— вышеприведенные выводы необходимо учитывать при пересмотре ряда положений концепции истории царствования Ивана Грозного (схема «двух Иванов», вопрос о реальности «Избранной Рады»), принятой в отечественной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Беляева Л.Н. Изменение структуры нравственного сознания России 16-ого века (на примере переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским // Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 23 мая 1986 г. за № 25313. С. 21.

2 В этом проявляется кардинальное отличие нашего менталитета от западноевропейского: там наместником Бога на Земле был Папа, а король был просто «самый главный феодал», носитель высшей светской власти, выступать против которого не было религиозным грехом.

3 Полностью этот отрывок звучит так: «Всякая душа властем предержащим да повинуется. Несть бо власть, аще не от Бога: сущие же власти от Бога учинены суть. Тем же противлянся власти, божьему велению противляется, противлающийся же себе грех преемлют» (Рим. XIII, 1–3).

4 Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951. С. 243.

5 Там же. С. 252.

6 Там же. С. 142.

7 Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. М., 1889. С. 78–79.

8 Беляева Н.П. Материалы к указателю переводных трудов А.М.Курбского // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984.

С. 115–136; Цеханович А.А. К переводческой деятельности князя Курбского // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 110.

[9] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 10.

[10] Сказания князя Курбского / Изд. Н.Устрялова. СПб., 1842. С. 45.

[11] Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 118.

[12] Сергеев В.М. Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 121–122.

[13] Скрынников Р.Г. О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 226.

[14] ТПК было написано в 1579 г. в ответ на ВПГ, созданное в 1577 г. Относительно времени создания ИВКМ единой точки зрения нет; предполагают, что она написана в 1573–75 или во второй половине 1570-х гг.

[15] Письма князя А.М.Курбского к разным лицам. СПб., 1913. Стлб. 37–39.

[16] Там же. Стлб. 48.

[17] Мысль, что Курбский заимствовал идею «Избранной Рады» у Грозного, была высказана А.Н.Гробовским (Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр... С. 51–75). Разделяя его выводы касательно житийности образов Адашева и Сильвестра в переписке, о заимствовании и выворачивании наизнанку Курбским идей Грозного, мы не можем признать удовлетворительной и полной систему аргументации А.Н.Гробовского. Поэтому мы предлагаем самостоятельную и оригинальную систему доказательств, а также расширяем и углубляем выводы западного ученого и приводим несколько собственных гипотез, возникших в ходе источниковедческого анализа переписки.

[18] Сказания князя Курбского... С. 9–10.

[19] Рыков Ю.Д. «История о великом князе Московском» А.М.Курбского и опричнина Ивана Грозного // Исторические записки. Т. 93. М., 1974. С. 342.

[20] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 14.

[21] Там же. С. 21.

[22] Там же. С. 30.

[23] Там же. С. 33.

[24] Там же. С. 24.

[25] Там же. С. 31.

[26] Там же. С. 31.

[27] Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 136–138.

[28] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 31.

[29] Филюшкин А.И. Бунт и пожар 1547 года: Сильвестр или Макарий? // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Вып. 2: Революции и смуты в мировой истории. Воронеж, 1993. С. 49–54.

[30] Сказания князя Курбского... С. 11–12.

[31] Там же. С. 73.

[32] Там же. С. 42.

[33] Там же. С. 78–81.

[34] Grobovsky A.N. The «Chosen Council» of Ivan IV. N.Y., 1969.
[35] Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 11, 12, 48 и след.
[36] Послания Ивана Грозного... С. 272, 276.
[37] Лурье Я.С. Первое послание Грозного Курбскому (вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 229.
[38] Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 187.
[39] Рыков Ю.Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 244; Скрынников Р.Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. Т. 18. М., 1962. С. 109, 113.
[40] Зимин А.А. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 147; Скрынников Р.Г. О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 233. Р.Г.Скрынников считает переписку частной, хотя и придерживается мнения, что Курбский хотел подбить на выступление Печерский монастырь.
[41] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 101.
[42] Шмидт С.О. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восточной Европы в XII в. М., 1976. С. 314.
[43] Флоря Б.Н. Новое о Грозном и Курбском // История СССР. 1974. № 3. С. 143, 144–145.
[44] Шмидт С.О. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому... С. 315.
[45] Зимин А.А. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. Т. 18. М., 1962. С. 306, 308.
[46] Ювефович Л.А. Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 143–144.
[47] Keenen E.L. The Kurbsky-Grozny apocrypha. The seventeenth century Genesis of the Correspondence, attributed to Prince A.M.Kurbskii and tsar Ivan IV. Harvard, Cambridge, Massachusetts, 1971.
[48] Зимин А.А. Первое послание Курбского Ивану Грозному (текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1978. С. 200.
[49] В летописце И.Ф.Хворостинина после изложения событий 1547 г. написано: «А пространнее о сем пишет о пожарах и о смятении боярском в государстве царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии грамоте, что писал в Литву ко князю Ондрею Курбскому против его отписки» (Шмидт С.О. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому... С. 324).
[50] См., например: ОР РГБ, ф. 256 (Румянцева), № 241; описание см. в статье: Вилькошевский П.В. К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к князю А.М.Курбскому // ЛЗАК Вып. 33. Л., 1926. С. 76.
[51] Шмидт С.О. Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 347–353.